

ОКЛЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ШЕСТАЯ
КНИГА

ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1938

Горький и Чехов

ВСТРЕЧИ Горького с Чеховым, завязавшаяся переписка и упрочившаяся затем дружба между ними совпали с годами общественного подъема в русской жизни (1898—1904 гг.).

Каждая новая постановка пьес Горького и Чехова, появление нового рассказа или повести было событием важным и радостным.

Портреты молодого Горького в русской рубашке с длинными волосами и рядом о нем сидящего сосредоточенного Чехова можно было встретить в каждом углу, где жили студент, курсистка, революционер. Отношение молодежи к этим двум писателям в период перед 1905 годом было восторженное. Их имена стали символом всего свободного, человеческого, и все тянулись к ним сердцем.

Сохранившаяся и недавно опубликованная переписка этих двух крупнейших писателей является замечательным памятником писательской и человеческой дружбы. На ней лежит яркий отсвет тех лет, лет революционной борьбы, необыкновенных надежд и страстных мечтаний.

Горькому 30 лет, когда он пишет Антону Павловичу первые письма. В них — взбудораженный тон, бодрость, юношеская влюбленность в Чехова-художника и человека.

«Собственно говоря — я хотел бы объяснитьсь вам в искреннейшей и горячей любви, кою безответно питаю к вам со времени младых ногтей моих, я хотел бы выразить мой восторг перед удивительным талантом вашим, тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким. Эх, чорт возьми — жму руку вашу — руку художника и сердечного, грустного человека должно быть — да?»¹.

Чехов посылает ему в подарок часы, и им овладевает почти детская радость. «Мне хочется ходить по улицам и кричать: — А знаете ли вы, черти, что мне Чехов часы подарил», — пишет он.

Чехов привлекает к себе молодого Горького не только как писателя большого идейного содержания и чудесный мастер языка и стиля, но и как человек всем своим неповторимым обликом.

Эта переписка, являясь живым свидетельством тесных взаимоотношений двух писателей, задевает множество вопросов и проблем, очень существенных для обоих, и в первую очередь вопросы искусства и мастерства. Но в то же время письма Горького к Чехову в ряде моментов являются также своего рода мемуарной литературой предреволюционных лет. В них он рассказывает Чехову, часто со всеми художественными подробностями, о множестве случаев и эпизодов, связанных со всем ходом революционной борьбы. Тут рассказ о поднадзорной жизни Горького в Арзамасе, и об избиении студентов полицейскими, и о демонстрации 4-го марта в Петербурге, о волнениях в провинции, о настроении в столице.

В высказываниях и суждениях Горького отражается напористость, активность революционных сил, вера в победу революции. Он несравненно острее Чехова живет интересами своей эпохи, всеми ее тревогами, ожиданиями, надеждами.

Горький связывает свою судьбу с революционным движением, идет в самую гущу его, переживает все удачи и неудачи его. Многим он делится с Чеховым.

Антон Павлович, до сих пор стоявший в стороне от политики, в эти годы проявляет большой интерес к происходящему. Однако между ним и Горьким была боль-

¹ М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. 1937 год. Под редакцией С. Д. Балухатого.

шая разница. Горький не только внутренне, творчески живет интересами революционной общественности, но и очень скоро становится активным деятелем, практически вмешивается в события. Он пишет Чехову, что завидует его умению жить одними интересами искусства, однако сам не может последовать его примеру, так как у него много «иных симпатий и антипатий», властно направляющих его волю.

Деятельная натура Горького сказывается во всем: он участвует в демонстрациях, он связывается с прогрессивно настроенными представителями интеллигенции и писателями, он близок к журналу «Жизнь» и издательству «Знание», он находит и собирает деньги для революционных целей.

Чехов же живет несравненно замкнутой, отдаваясь полностью своей художественной работе. В его письмах к Горькому, в его советах и указаниях чувствуется больше всего интерес и внимание к деятельности Горького, как писателя. Здесь речь идет часто не только непосредственно о вопросах писательского мастерства, но и обо всем, что имеет к нему косвенное отношение: в какой среде лучше жить писателю, куда ехать, куда направить свое внимание так, чтобы это было плодотворно для работы. По мнению Чехова, молодому Горькому лучше всего жить в Петербурге, в писательской среде, а не в провинции, с чем Горький не согласен. Он, в свою очередь, настойчиво зовет Чехова в Китай, где в это время происходило восстание боксеров. Чехов же рекомендует ему отправиться путешествовать далеко, в Индию, чтобы долго набраться впечатлений. Давая советы и указания, Чехов извиняется, что читает Горькому «наставления», как «протопоп», а Алексей Максимович радуется, видя в этом доказательство настоящего интереса к нему Чехова.

Горький интересуется не только произведениями Чехова, но также вопросами печатания, издания их. Он стремится привлечь Чехова к журналу «Жизнь» и добивается его сотрудничества¹. Узнав,

что Чехов заключил невыгодный для него договор с издателем А. Ф. Марксом, Горький настойчиво и усиленно уговаривает Антона Павловича возвратить издателю деньги (75 000 рублей и готов достать ему эту сумму), уничтожить договор и издавать свои произведения на паевых началах в издательстве «Знание». «Дорогой и любимый мой — будьте добры отнеситесь серьезно к тому, что писал я вам о Марксе и «Знании», — пишет он Чехову. Активность, деятельность натуры Горького, его общественная устремленность видна и в этом.

Чехов не захотел порвать с издателем, хотя договор был весьма выгоден для А. Ф. Маркса и очень невыгоден для него. Через несколько лет, в 1904 году, за несколько месяцев до смерти Чехова, перед предполагавшимся празднованием 25-летия его писательской деятельности, Горький совместно с Леонидом Андреевым составляет письмо к А. Ф. Марксу, где просит его добровольно согласиться на разрыв договора, тяжело отражающегося на материальном положении Чехова. Но Антон Павлович, узнав об этом письме, категорически воспротивился.

Чехов, в свою очередь, интересуется изданиями Горького; А. Ф. Маркс через него обращается к Горькому¹, Чехов же предлагает Горькому отобрать лучшие свои рассказы и издать их одним дешевым томом; Алексей Максимович принимает предложение и советуется с Чеховым об отборе рассказов.

Взаимоотношения Чехова с редактором «Нового Времени» Сувориным, занявшим, как ему это и подобало, черносотенную позицию в деле Дрейфуса, тоже служат предметом обсуждения в письмах Горького. Он резко высказывается о Суворине, и советует Чехову оставить его («Гнилое дерево» — характеризует его Алексей Максимович).

Говоря о Суворине, что единственным выходом для него было бы открытое признание своей вины, Горький пишет об этом словами, во многом сходствующими с теми, что сказано о Данко в «Старухе Извергиль»:

«Я бы сердце себе разорвал без жалости, но кровь моего сердца горела бы»

¹ Чехов напечатал в нем «В овраге». Журнал «Жизнь» сыграл определенную роль в развитии революционного движения. В нем печатался и Ленин. Журнал был закрыт за помещение в нем «Песни о Буревестнике».

¹ Горький однако отказывается иметь дело с издателем Марксом.

на щеках многих и многих людей. Порозным пятном горела бы — ибо я не пощадил бы»¹.

Вообще следует отметить, что горьковские письма к Чехову по стилю, по эмоциональности, бодрости и молодости тона тесно связаны с произведениями первого периода творчества Горького. И весь облик его, каким он рисуется по письмам этим, с его отношением к искусству, к Чехову, к Толстому, к созданиям их, страстное преклонение и любовь — во всем этом еще много романтики высокого стиля.

Чехов в письмах несравненно сдержанней — явно ощутима и разница лет и темпераментов и положений.

В их переписке вопросы искусства, мастерства естественно занимают очень большое место. Конкретнее всего это выразилось в неоднократных указаниях и замечаниях Чехова о произведениях Горького.

Остановимся на них подробнее: здесь с полной ясностью выразились различные принципы преобразования действительности средствами искусства.

Основное возражение Чехова молодому Горькому — не экономная трата средств, излишество, «несдержанность» — по формуле Чехова, и вследствие этого отсутствие той меры простоты, которая, по мнению Чехова, — условие, необходимое для искусства.

«В своих рассказах Вы вполне художник, — пишет Чехов, — притом интеллигентный, по настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость. Вы умны и чувствуете тонко и изящно. Ваши лучшие вещи «В степи» и «На плотях» — писал ли я Вам об этом? Это превосходные вещи, образцовые, в них виден художник, прошедший хорошую школу. Не думаю, что я ошибаюсь. Единственный недостаток — нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений — то это грация. В ваших же затратах чувствуется излишество»².

Это излишество, по мнению Чехова, выражается в описаниях природы, которая у молодого Горького давалась по-

вышенно взволнованной, чересчур эмоциональной, с частыми уподоблениями ее человеку. «Частые упоминания о неге, шопоте, бархатности и пр. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие и расхолаживают». Истинная выразительность в описании природы, по мысли Чехова, достигается только простыми образами, вроде «пошел дождь», «зашло солнце», «стало темно».

Не вполне удовлетворяет Чехова и изображение женщин у молодого Горького; он видит в них тоже отсутствие сдержанности, излишнюю приподнятость («Мальва», «На плотях»).

В корректурах он советует вычеркивать почаще определения существительных и глаголов, находя, что множество эпитетов делает язык тяжеловатым, мешает ясности.

Интересные указания делает Чехов и в композиционных моментах:

«Воображение у Вас цепкое, ухватистое, но оно у Вас как большая печка, которой не дано достаточно дров. Это чувствуется вообще, да и в отдельности в рассказах; в рассказе Вы даете две-три фигуры, но эти фигуры стоят особняком, вне массы, видно, что фигуры эти живут в Вашем воображении, но только фигуры, масса же не охвачена. Исключаю из сего Ваши крымские вещи (например «Мой спутник»), где кроме фигур чувствуется и человеческая масса, из которой они вышли и воздвиг и дальний план, одним словом, все...»

Чехов, давая эти свои указания, исходит из своей собственной поэтической системы, из своей собственной практики.

Чеховский стиль, его основные писательские приемы очень тесно связаны, с одной стороны, с его тематикой и, с другой, — главным образом — с углом зрения на явления, людей, с тем видением мира, которое было присуще Чехову. Чеховский реализм глубоко отличен от реализма Толстого и от реализма Гоголя. Он изображал действительность не сатирически, как Гоголь, и не эпически, с большим разворотом, как Толстой. Он рисует отдельные мгновения, выразительные сцены, картины, миги бытия человеческого сквозь призму авторского настроения: это, в сущности, отдельные, большей частью, лирические кадры, в своей совокупности создающие единую картину жизни чеховской эпохи. В ос-

¹ 1899 г. Переписка.

² 1889 г. Переписка.

нове чеховского восприятия, а также отражения им действительности, лежит приглушенный, сдержанный лиризм, это особый вид лиризма, связанный не с приподнятостью как у большинства лириков, а с предельной, почти пушкинской, простотой. Лиризм и простота далеко не всегда идут вместе. В искусстве это явление не столь частое.

Чеховский стиль выработался на небольших рассказах. Величайшая экономия средств, лаконизм, были издавна творческим девизом Чехова. «Краткость — сестра таланта», — писал он в молодости и придерживался этого принципа всегда.

Для Чехова характерна подача явлений импрессионистически, некоторыми выразительными штрихами-деталью. Вместо пространственных описаний предметов и человека — впечатление, получаемое от него через одну-две подробности, дающие наметку, вызывающие ощущение предмета.

Непосредственно в указаниях Чехова молодому Горькому идет речь о языке и стиле его; однако было бы весьма неправильно думать, что дело здесь только во внешнем, в стилистическом оформлении, что вопросы сущности не затронуты. В действительности такого рода разграничения и разрыв между стилем и сущностью глубоко неправильны. У каждого художника есть своя внутренняя тема — свои мысли и чувства, свое понимание действительности, которое он может высказать только определенным образом, а не иначе, так как всегда есть глубокая закономерность, глубокая связь между выражаемым и формой выражения.

И в этом смысле чеховские советы молодому Горькому не могли им быть полностью восприняты по той простой причине, что у него были свои задачи, своя внутренняя тема и потому, естественно, были и свои слова — совсем другой стиль нежели у Чехова.

Чехов как писатель формировался в глухую пору 80-х годов, начав с журналистики. Горький же как писатель начал расти в 90-х годах, в эпоху, когда общественные силы пришли в движение, предвещавшее революцию 1905 года.

И обстановка детства, и ранняя связь с революционерами — все это направляло внимание молодого Горького в сторону борющихся сил, возбуждало надежды и ожидание перемены. Его творчество ста-

новится бодрым и призывным, романтически приподнятым. Его темы, герои, его интонации и ритмы были совершенно иные, чем у Чехова, и естественно, что и художественные средства должны были быть иными.

Чехов ставит своей задачей изображать именно обычное — обычных людей, обычные ситуации; он избегает всего необыкновенного, сверкающего, но он умеет показать все жизненно-обычное столь поэтически и строго просто, что явление кажется необыкновенным. Антон Павлович говорил, что труднее всего — это уметь хорошо рассказать как Петр Семенович женился на Марии Ивановне, подчеркивая этим, что не следует гнаться за необыкновенными сюжетами, что самое трудное — это, поэтически преобразив, воссоздать самые обыденные, будничные вещи. Собственно о том же писал Гоголь в «Мертвых душах», утверждая, что портреты его героев — Маниловых, Собакевичей и Коробочек — рисовать несравненно труднее, чем героические фигуры с прекрасными лицами и горящими глазами.

Но молодого Горького в предреволюционные годы с его лозунгами «человек — это звучит гордо» — «серенькое» привлекать не могло; Макар Чудра, Данко, Челкаш и «бывшие» люди, произносившие горячие монологи в честь свободы и независимости человеческой личности, дышали совсем не тем воздухом, что извозчик Иона из рассказа «Тоска» и герои из «Дамы с собачкой». Совершенно естественно, что у Горького совершенно другая художественная позиция.

Восторженно признавая талант Чехова, любуясь им, он тем не менее твердо отстаивает свой путь, путь героизации действительности. Стилистически это выражалось в известной приподнятости тона, романтике языка и поэтических средств.

«Дальше вас никто не может идти по сей стезе, никто не может писать так просто и о таких простых вещах, как вы это умеете. После самого незначительного вашего рассказа — все кажется грубым, написанным не пером, а поленом. И главное — все кажется не простым, т. е. не правдивым», — пишет он Чехову.

Так, отдавая должное чеховской простоте, Горький в том же письме заяв-

ляет, что Чехов дошел до той черты тонкости, за которой реализму уже больше нет дороги, и должна наступить именно героизация.

«...Настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее: лучше, красивее. Обязательно нужно, чтоб теперешняя литература немножко начала прикрашивать жизнь и как только она это начнет — жизнь прикрасится, т. е. люди заживут быстрее, ярче. А теперь — вы посмотрите-ка, какие в них дрянные глаза — скучные, мутные, замороженные»¹.

Говоря так, Горький имеет в виду общественную функцию литературы в революционную эпоху, закономерность и необходимость революционной романтики, как средства, организующего волю, поэтому, хотя и признавая все совершенство чеховского стиля, он тем не менее считает необходимым идти своей дорогой.

Чехов был в то время уже устоявшимся мастером с выработанными приемами и взглядами, а Горький был еще молод и весь в движении; это был еще только первый этап его творческого пути. Спор Горького с Чеховым в этот период творчества Горького чрезвычайно интересен, показывая направленность произведений каждого из этих двух замечательных писателей в определенный исторический момент.

Не безынтересно отметить, что Толстой, с которым Горький встречался в те же годы, что и с Чеховым, делал ему во многом аналогичные замечания, опять-таки исходя из собственной поэтической системы, органически связанной с его нравственно-философскими и общественными взглядами. Против всякой героизации людей и действительности Толстой восставал уже в первых своих произведениях. «Среди воров и нищих нельзя искать героев, не надо! Герои — ложь, выдумка, есть просто люди, люди и — больше ничего», — говорил Толстой Горькому.

Общая повышенность стиля, пафос и лиризм, свойственные молодому Горькому, естественно не могли вызывать одобрения Толстого, для которого простота и строгость были исходными правилами. Однако никак нельзя упускать из виду,

что Толстой знал, главным образом, Горького первого периода и что все его возмущения относятся к стилевым особенностям именно раннего Горького.

Когда речь идет о тесных взаимоотношениях двух писателей, и при этом один из них старше, уже с установившимся именем и авторитетом, а другой еще молод и не успел еще полностью развить все свои силы, то чаще всего тут ставится вопрос о влиянии, зависимости и т. д. Однако, когда речь идет о Чехове и Горьком, то несмотря на то, что переписка полна вопросов, советов и оценок, тем не менее говорить о каком-нибудь прямом воздействии Чехова на Горького — в смысле родства сюжетов, тематики и приемов — трудно. Их переписка сильнее говорит о другом типе воздействия, быть может не менее плодотворном и важном — о писательской дружбе, о творческой атмосфере, о серьезных стимулах в работе, об оценках, которые заставляют усиленно думать, о моральной поддержке и плодотворном примере, о глубоком взаимном уважении и признании, о товарищеской заботе друг о друге. Хотя это влияние не прямое, а только косвенное, но тем не менее оно очень существенно.

Для молодого Горького, при всей разнице их творческих устремлений, Чехов был очень значительной и своеобразной школой художественного вкуса, призывавшей к совершенству, строгости к себе и величайшей простоте в искусстве. Это часто сквозит в высказываниях Горького и оценках им чеховских вещей. Он читает повесть Чехова «В овраге» мужикам села Мануйловки Полтавской губернии и с радостью пишет об этом Чехову:

«Читал я мужикам «В овраге». Если бы видели, как это хорошо вышло! Заплакали хохлы и я заплакал с ними. Костыль понравился им — чорт знает до чего! Так что один мужик Петро Демина даже выразил сожаление, что мало про того Костыля написано. Липа понравилась, старик, который говорит «велика матушка-Россия!» Да, славно все это вышло, должен я сказать. Всех простили мужики, и старого Цибуккина, и Аксиныю и всех! Чудесный вы человек, Антон Павлович, и огромный вы талантышче!»¹

¹ Январь 1900 г. Переписка.

¹ 1900 г. Переписка.

Такие рассказы Чехова, как «Дама с собачкой», Горький называет «изящно ограниченными флаконами со всеми запахами жизни в них». Наконец, он по-рыбисто признается Чехову: «Вы так мощно волнуете душу мою — не я виноват в этом и — почему не сказать мне вам самому о том, как много вы значите для меня?»¹

Чехов был вначале связующим звеном между Горьким и Толстым. Последний хорошо отзывался о некоторых горьковских рассказах. Чехов немедленно сообщает об этом Горькому.

«Хорошо вы сделали, что поговорили с ним о Горьком, — пишет в ответ Алексей Максимович Чехову, — и сказали Горькому. Давно хотел я знать, как смотрит на меня Толстой и боялся знать это: теперь узнал и проглотил еще каплю меда. В бочку дегтя выпитого мной, таких капель только две попало — его да ваша. Больше и не надо мне.»²

Можно вполне согласиться с Горьким, что двух таких крупных капель было совершенно достаточно для молодого писателя, каким был тогда Горький; они, пожалуй, перевешивали похвалу всей критики вместе взятой. И действительно, немногим из писателей посчастливилось в молодости иметь такое ободрение и такое воздействие, как Горький, — Толстого и Чехова.

В бытность свою в Крыму Горький вместе с Чеховым бывал неоднократно у Толстого; об этих встречах и взаимоотношениях с Толстым, об отношении последнего к Чехову Горький рассказал со всей правдивостью и художественной силой в известных своих воспоминаниях о Толстом.

Горький не только радуется «капле меду» Толстого, относящейся к нему, к его вещам, но переживает радость за Чехова, когда узнает, что Толстой доволен чеховской повестью «В овраге».

Известно, как велик был авторитет Толстого, как прислушивались к его голосу. В переписке то и дело мелькает имя его; Чехов дает оценку — «Воскресению», Горький рассказывает о своем пребывании у Толстого и резко отзывается о толстовцах. Оба, и Чехов и Горький, при всем преклонении перед личностью

и гением Толстого, очень далеки от его философских взглядов, хотя Чехов и отдал им некоторую дань. Горький как в письмах, так и в воспоминаниях своих со всей категоричностью отвергает его философию.

Толстой, как известно, отрицательно относился к пьесам Чехова. («Я терпеть не могу Шекспира, но ваши пьесы еще хуже», говорил Лев Николаевич Чехову со всей серьезностью.) Толстой отрицательно отзывался и о «Дяде Ване». Горький в письме к Чехову защищает пьесу и ее героев против мнения Толстого.

Годы, когда Чехов встречался с Горьким и переписывался с ним, совпали с периодом расцвета чеховской драматургии и блестящих постановок его пьес на сцене Художественного театра. Горький в ту пору сам был страстно увлечен и чеховскими пьесами и работой Художественного театра.

«Слушая вашу пьесу, думал о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей и о многом другом, коренном и важном — другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — ваши делают это»¹, — так оценивает он чеховские драмы.

Однако Чехов к себе, как к драматургу, относится с некоторым колебанием и неуверенностью. Всякий неуспех его пьес на сцене он переживает болезненно и мучительно.

Но именно Чехов, главным образом, и воздействует на Горького и привлекает его к драматургической деятельности. Он настойчиво советует ему взяться за пьесу и для этой цели зовет его в Ялту, куда весной 1900 года собирается приехать Художественный театр. Он советует Алексею Максимовичу воспользоваться их пребыванием, присмотреться на репетициях к условиям сцены и начать писать. Горький внял этому совету, действительно приезжает в Ялту и под влиянием Чехова и просьб коллектива театра берется за пьесу.

Так создаются «Мещане», затем «На дне».

В своих пьесах Горький привнес на сцену совершенно новых, до тех пор неизвестных подмосткам героев, новую тему, и главное, совершенно другой тон, дру-

¹ 1899 г.

² 1899 г.

¹ 1898 г. Переписка.

гую музыку — призывную, бодрую, протестующую и разрушительную. Эти герои были во многом схожи с героями его рассказов о «бывших» людях, схожа была и философия их, пронизанная отрицанием существующего, и тот же гневный был тон. Но в условиях сцены все это получало необыкновенный резонанс. Голоса горьковских героев звучали здесь неслышанно ново и покоряли зрителей. Успех драмы «На дне» не только у нас, но и за границей — достаточно известен. Она обошла крупнейшие театры Европы. Успех был неожиданный и для самого Горького.

Впервые люди социального дна заговорили полным голосом во всеуслышание с театральных подмостков. Они не столько жаловались на свою пропащую жизнь, сколько осуждали окружающее. И в этом было главное. В горячей атмосфере предреволюционных лет им внимали с восторгом и волнением, их афоризмы и изречения получали широкое распространение.

Для удачной постановки горьковских пьес, в особенности «На дне», много было сделано Художественным театром, которым Горький и ранее, до постановки в нем своих пьес, восторгался. Теперь он, так же как и Чехов, тесно сошелся с работниками театра и его руководителями.

В деятельности Горького-драматурга Чехов сыграл очень значительную роль. Он не только настойчиво советовал ему взяться за пьесы, но усиленно все время предлагает свою помощь указанием и советом. «Пишите, пишите, пишите! обыкновенно, по простецки и да будет вам хвала великая! Как обещано было пришлите. Я прочту и напишу свое мнение весьма откровенно, и слова для сцены неудобные подчеркну карандашом. Все исполню, только пишите, пожалуйста, не теряйте времени и настроения»¹.

В этой дружеской настойчивости и внимании всегда сдержанного Чехова к работе только вступающего в область драматургии Горького чувствуется глубокая вера в его дарование.

Согласно условленному, Горький, еще до окончания пьесы, посылает рукопись, и Чехов в письме делает совершенно конкретные указания о действующих лицах, о взаимоотношениях их, о своевре-

менности появления того или иного персонажа на сцену и т. д. Так сделал он в отношении «Мещан».

Интересна общая оценка Чеховым всей пьесы. Считая ее оригинальной, написанной «по-горьковски», он в ней усматривает один недостаток, «непоправимый, как рыжие волосы у рыжего — это консерватизм формы». «Вы заставляете петь новые песни по нотам, имеющим подержанный вид», — говорит он Горькому².

Этот отзыв Чехова о «консерватизме формы» горьковской драмы тесно связан с общим взглядом Чехова на драматургию и театр своего времени. Старые формы театрального искусства с их близостью к натурализму кажутся ему обветшалыми и он ищет новых путей. В этих поисках он создает свои психологические внутренне-музыкальные драмы. В них нет драматического сюжета в строгом смысле слова, нет остроты борьбы и резких конфликтов, но все внимание зрителя сосредоточено на переживаниях героя, на «внутреннем действии».

Во многом драмы Чехова были продолжением его рассказов. Обыкновенные люди, обыкновенные жизни, в которых не случалось ничего головокружительного, шумного, исключительного. Но в то же время, в этой обычности, в безысходности, в невозможности жить по-другому был свой драматизм, даже трагизм, не всегда выражающийся во вне. Люди сидят и обедают, а в это время в их жизни происходят настоящие драмы и трагедии, говаривал Чехов, подчеркивая этим ненужность внешних эффектов и громких событий для изображения драматических положений. Его драмы именно на этом принципе и строились.

При таком взгляде на сцену, драмы Горького при всей новизне их тематики и героев все же не были для Чехова тем новым словом в театре, которого он искал.

Давая оценку «На дне», указывая достоинства пьесы («когда читал его (т. е. 2-й акт. — Л. М.) особенно конец, то подпрыгивал от удовольствия»), он отмечает и некоторые недочеты — недостаточность мотивировки в отдельных местах: «почему барон попал в ночлежку, почему он есть барон — это тоже недостаточно ясно»².

¹ 1901 г.

² 1902 г.

Известно, какое значение Чехов придавал строгой мотивировке всякой детали в пьесе, не только поведению людей — отсюда понятно это замечание его о прошлом барона.

Чехов сильно заинтересован пьесой, он в письме к Горькому указывает, какому из актеров Художественного театра поручить ту или иную роль. Роль актера он считает лучше всего взять Станиславскому, указывает он и женские роли. То, что пьесе предстоит такой громкий успех — Чехов не представлял себе. Ему даже казалось, что 4-й акт недостаточно силен, и он написал об этом Горькому. Алексей Максимович ему в ответ пишет с юмором: «За 4-ый акт не боюсь. И — ничего не боюсь, вот как. В отчаянность пришел».

Во всех этих деталях заметно, как велика была для молодого Горького роль этой дружбы.

Под влиянием развертывающихся событий у Чехова в эти годы усиливается интерес к общественно-политической жизни страны, растет вера в новые возможности. Еще в 1898 г. он отходит от Суворина, с которым был долго близок. Для Чехова Горький — человек новой формации, писатель пришедший из низов, с новыми идеями, с протестом, с разрушительными тенденциями. Его талант казался ему свежим и самобытным, он пишет, что Горький сделан «из того теста, из которого делаются художники», хотя и отмечает в нем «невывержанность», некий «груз провинциализма»; однако Чехов верит, что из него выйдет «большущий писателище».

И как человек Горький привлекает Чехова; об этом он говорит во многих письмах к друзьям, и постоянно проявляет о нем нежную заботливость. Собщая о Горьком своим друзьям и знакомым, он отмечает, что Алексей Максимович «порядочный, интеллигентный, добрый» и тут же признается, что единственное, с чем он не может привыкнуть в Горьком «это его рубаша — не могу к ней привыкнуть, как к камергерскому мундиру»¹.

В 1900 году Чехов одновременно с Горьким был в Москве, где их пьесы шли с громким триумфом в Художественном

театре. Он пишет об этом, с присущим ему юмором: «Здесь Горький. Я и он почти каждый день бываем в Художественном театре, бываем можно сказать со скандалом, так как публика устраивает нам овации точно сербским добровольцам».

Достаточно известно поведение Чехова в инциденте с избранием Горького в члены Академии. Написав из солидарности свой отказ от звания академика, он сообщает об этом жене и просит сказать только одному Горькому.

Глубоко интересуясь Чеховым, Горький занимается и пропагандой его как писателя. Он недоволен статьями современных ему критиков — Андреевича и в особенности Михайловского, обвинявшего Чехова в равнодушии и холоде к жизни, и сам пишет о нем статью («Могу взять глубже», — сообщает он Чехову о своем намерении написать о нем).

Появление чеховской повести «В овраге» в журнале «Жизнь» было поводом для написания статьи о Чехове. Горький печатает ее в «Нижегородском Листке», в котором сотрудничает эти годы, в бытность свою в Нижнем-Новгороде. Мысли свои о Чехове Горький выражает в ярких образах и выразительных сравнениях.

Основное, что он усматривает в произведениях Чехова — глубокую правдивость («он никогда не прикрашивает людей»), потрясающую убедительность, простоту и ясность. Замечательно, что в этой повести, которую Горький определяет как трагически мрачную, он видит «глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни». Это в ту пору вряд ли кто, кроме Горького, мог сказать о Чехове. Очевидно, личное знакомство с Антоном Павловичем, встречи и разговоры с ним помогали Горькому уловить эту ноту в его произведениях предреволюционных лет.

— Жизнь долгая — будет еще и хорошего и дурного, всего будет! Велика матушка-Россия, — вспоминает он слова одного из героев повести в подтверждение своей мысли.

Чехов был очень рад этой статье и в письме к Горькому называет ее бальзамом. «Какой вы талантливый! Я не умею писать ничего, кроме беллетристики. Вы же вполне владеете пером журнального человека», — так отзывается он о критической статье Горького.

¹ Из письма к Средину — А. Чехов о М. Горьком. Переписка, статьи, высказывания. Под ред. О. Д. Балухатого.

Горький выступает против распространения в то время обвинения Чехова в отсутствии мирозерцания, утверждая, что взгляд Чехова на мир ясен, что его точка зрения хотя и не всегда уловима, не всегда поддается определению, но неизменно присутствует в его рассказах.

Следует сказать, что это обвинение Чехова в отсутствии мирозерцания, общефилософской и общественной идеи выдвигал против Чехова и Толстой. Во всем признавая Чехова, и как замечательного мастера, и как человека большой духовной чистоты, и как писателя исключительной простоты и правдивости, Толстой в то же время считал, что Чехов слаб там, где он прибегает к тенденциям, и обстоятельство это приписывал главным образом тому, что в нем не выработалось общефилософского мировоззрения.

В своей критической статье о Чехове Горький оценивает не только содержание — идеи, мысли и чувства произведений его, но и форму и язык. «Как стилист Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов», — так высоко расценивает Горький стиль и форму произведений Антона Павловича, чистоту и совершенство их. Как известно, и Толстой считал Чехова необыкновенным мастером и новатором формы.

Вторая оценка творчества Чехова дана Горьким в форме фельетона «О беспокойной книге», где изображено отношение обывателя к беспокоящему его совести художественному произведению.

Уже после смерти Чехова в 1904 году, Горький пишет свои воспоминания о нем, где снова рисует прекрасные черты его. Чехов как никто понимал и обнажал «трагизм мелочей жизни» и мещанскую обыденность ее, говорит Горький. Но в то же время он видит в Чехове то, что до него немногие видели — именно, что Чехов глубоко сознавал и чувствовал значение культуры и человеческого труда. В самой любви его к бездельной, тусклой, азиатски неподвижной действительности своего времени ощущал Горький его отношение к труду и к культуре.

И здесь в своих воспоминаниях о Чехове, так же как в очерке о Толстом,

рассказывает он об отношении Толстого к Чехову; он изображает его образно, ярко. Произведения Чехова по отзыву Толстого, — говорит Горький, — «это как бы кружево, сплетенное целомудренной девушкой, были в старину такие девушки-кружевницы «вековуши», они всю жизнь свою, все мечты о счастье влагали в узор — мечтали узорами о самом милом, всю неясную чистую любовь свою вплетали в кружево». Толстой говорил, волнуясь, со слезами на глазах. «Чехова Толстой любил отечески и в в этой любви чувствуется гордость создателя», — отмечает Горький в другом месте.

Тонкую красоту чеховских вещей оттеняет Горький не только этим изумительным сравнением Толстого, но и множеством отдельных деталей и черт.

О Чехове вспоминал Алексей Максимович многократно в своих статьях в советское время. Он не устает напоминать молодым писателям о необходимости учиться языку и приемам у наиболее крупных мастеров прошлого. В ряду первых он всегда называет Чехова. В 1933 году он снова говорит о драмах Чехова, с которыми у него было связано так много воспоминаний молодости. Он называет их теперь лирическими комедиями и рекомендует ставить их не как драмы, отчего они, по его мнению, тяжелеют и портятся, а как комедии. (Известно мнение самого Чехова о своих пьесах как о комедиях и некоторое недовольство его, что Художественный театр ставит их как печальные драмы).

За свою долгую творческую жизнь Горький общался со многими писателями и об этих своих встречах и знакомствах рассказал в ярких и сильных очерках (о Леониде Андрееве, о Блоке, о Короленко). Однако, исключая Толстого, ни один из этих писателей не вызывал в нем столько любви, не был для него столь полон значения, как Чехов.

При всем глубоком различии интересов, они, Горький и Чехов, не могли быть чуждыми друг другу — их объединяла любовь к человечеству, вера в него, в его возможности, в его будущее. Всю жизнь, каждый по-своему, служили они ему всеми помыслами.

Они встретились на грани двух эпох и дружески протянули друг другу руки.